

Повесть Юрия Трифонова **ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА**

Но, если разобраться, возможно, фотография промахнула «жанр» не только (и даже — не столько) из соображений эстетической моды, а по чрезвычайной сложности для исполнения. И впрямь: как рождалось «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова» или, скажем, те же «Бурлаки на Волге»? Наверняка мы, конечно, знать не можем, но предполагать имеем полное право. Художник (становящийся в этот момент драматургом) брал какой-то выразительный эпизод истории, в котором сходились прошлое и будущее, высекая «искру момента»; потом (становясь режиссером), что называется, выстраивал мизансцену; потом — подобно кинооператору — искал наиболее выигрышный ракурс и «устанавливал свет»; потом (не обязательно в таком точно порядке) — превращался в «ассистента по актерам» и проводил, как это сегодня принято называть, — кастинг: подбирая нужные типажи, этюдно их зарисовывал (с натуры или по памяти).

Теоретически, фотограф мог бы сделать ровно то же самое (а в кино съемочные группы делают это постоянно. Но кинематографа мы тут касаться не станем: слишком много различий между статическим и неммым искусством фотографии и динамическим и звучащим — кинематографа), но это получилось бы слишком громоздко, слишком дорого и, главное, утратило бы основное достоинство фотографии — подлинность. Ибо как ни старайся выстроить мизансцену, как ни выбирай самых органичных актеров или типажей — у меня такое чувство, что разницу между кадром живым и кадром постановочным уловит любой хоть чуточку искушенный глаз.

(Кстати заметить, великий кукольник и искусствовед Образцов в серии статей об искусстве называл материалом кинематографа именно «документ», а средством обращения с ним — монтаж. В случае игрового кино, полагал Образцов, режиссер создает имитацию документа).

Итак, фотограф, желающий снять жанровую сцену, да еще такую, чтобы она что-то говорила о нашем мире, то есть не случайную, каких немало попадаетея вокруг нас, а совершенно определенную, — вынужден либо выстраивать ее искусственно, с привлечением актеров, статистов, может быть, гримеров или костюмеров, — и получить на выходе непонятно что как с рыночной, так и с художественной точки зрения, либо — терпеливо ждать, не убирая фотоаппарат в кофр и внимательно глядя по сторонам в надежде, в сущности, на чудо. Именно на чудо, ибо такие находки, по моему разумению, — удача чрезвычайно редкая: поди-поймай должный драматический и достаточно, как говорится, типичный, понятный любому человеку, момент, — но даже если он находится, что бы мы ни говорили о сюжете или о драматургии, если драматический сюжет выражен серо и бесформенно (я не говорю о состоянии «актеров», но о заднем плане, свете, композиции) — художества все равно не получится. Кто-то из великих театральных мастеров говорил, что театр — это когда два актера расстилают на площади коврик и начинают... играть. Так-то оно так, но

если ночью площадь не освещена, если коврик лежит среди помойки, то театра, скорее всего, все равно не получится, как хороши бы ни были актеры. Впрочем, хорошие актеры всегда найдут подходящее место, видное отовсюду и достаточно освещенное, — живым же героям, как правило, эти проблемы совершенно перпендикулярны.

Сколько я за свою жизнь сделал снимков, даже и не представляю. Отобрал же за последние десять лет тысяч около семнадцати. И изо всех этих семнадцати тысяч по-настоящему удачным «жанровым» снимком я считаю всего один. Ну, возможно, еще два-три — с определенной натяжкой. Этот единственный я сегодня, собственно, и «объясняю».

Те, кто читал в свое время повести Юрия Трифонова «Обмен», «Предварительные итоги», «Дом на набережной», хорошо представляют себе одного из его героев, часто кочующих, с минимальными коррективами, из повести в повесть: эдакий сложный интеллигентный человек с заметной гнильцой внутри, позволяющий себе под давлением обстоятельств (признаем: довольно тяжелым давлением) совершать предательства, а потом долго и нудно пытающийся оправдать их — хотя бы перед собой, внутри себя. Увидев запечатленную сцену на территории Новодевичьего монастыря, я нутром почувствовал эту самую удачу «попадания», выигрыш в лотерею, едва ли не в тот же момент, когда нажал на кнопку спуска. Сюда может подойти готовая повесть Трифонова, еще легче написать, глядя на картинку, некую стилизацию под него.

...Они встречаются очень и очень давно. Он женат. У нее он — единственный свет в окошке (можно вспомнить ситуацию из близкого по стилистике Трифонову, разве что чуть более смешного, «Осеннего марафона»: помните пару в исполнении Басиллашвили и Нееловой?). Он поклялся ей, что вот, как только сын окончит школу, — он

разведется и их многолетней любви ничто не будет больше мешать. Закончились школьные экзамены. Оттремели выпускные балы. Он — не звонит. Она выдержала целый месяц и сама позвонила ему. Он сказался занятым. Но все же встреча назначена: в Новодевичьем, в том самом, где они гуляли романтическими вечерами много лет назад, когда их любовь только зарождалась, была свежа, как вечерний воздух над Новодевичьим. Ему трудно говорить, и все же он решает: «Извини. Я просто не могу ее оставить». Она собирает все силы, чтобы казаться гордой и независимой. Она, в сущности, все уже знала: и когда он не позвонил, и когда все не мог найти времени для встречи. Она, в сущности, знала это с самого начала, лет за десять до этой, возможно, последней их встречи: когда влюбилась в женатого мужчину, который, по всему, разводиться и не собирается, — что бы ни говорил и чего бы ни обещал...

Увы, «Объяснительная записка» не дает места для публикации полного текста повести в стиле Трифонова, но те, кто знают, что это такое, думаю, глядя на фотографию, с легкостью сумеют досочинить ее самостоятельно.

Еще на одной картинке, выбранной из семнадцати тысяч, тоже идет объяснение, — но уже в другое время и между представителями другого поколения. Мне оно менее знакомо (хотя это как раз возраст моего младшего сына), поэтому кажется не столь содержательным. Да и жизнь, по мере ее прохождения, сама по себе накапливает сюжеты: тут их накопилось еще не особо много. Самое обидное, что по большому счету больше таких жанровых картинок в моем альбоме, пожалуй, и не найдешь. Ну, то есть еще несколько, но куда более статичных, что называется — портретных. Не жизнь, а, возможно, просто: живые картины. Которые как раз никогда особой живостью и не отличались. **Евгений КОЗЛОВСКИЙ**

